

Кирилл

КАЗАНЦЕВ

ВОРОВСКАЯ ЛЮБОВЬ

**СОСЕДКА
АВТОРИТЕТА**

Кирилл Казанцев
Соседка авторитета
Серия «Воровская любовь»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5972715

Казанцев К. Соседка авторитета : Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-64799-6

Аннотация

Ларису, главного бухгалтера крупной международной компании, жестоко подставили. В машине, которую она сопровождала, нашли два боевых автомата, и теперь ей грозит приличный срок за контрабанду оружия. Лариса, конечно, ни о каких автоматах ни сном ни духом, но в полиции ее и слушать не стали. Посадили в изолятор – вот и весь разговор. Лариса было отчаялась, но сумела взять себя в руки и начать действовать. Она сбежала из-за решетки и обратилась за помощью к знакомому из криминального мира по кличке Макс. Тот познакомил ее с «конфликтологом» – человеком, который за деньги решает любые, даже самые сложные, проблемы...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	28
Глава 3	47
Глава 4	61
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Кирилл Казанцев

Соседка авторитета

Глава 1

Весна сдвинула с места город. Во дворе среди бела дня дворник набил морду коллеге. «Не будешь мусор ко мне сгребать!» И эхо так и полетело меж домов: «бать... бать...» Вечером сижу, пью чай, в окне дома напротив мужик о подоконник оперся, стоит, вниз смотрит. И в окне этажом ниже та же картина, только женщина. Стоит, о подоконник оперлась. В том же доме на седьмом этаже женщина меня увидела, и тоже – к окну. Стоим, смотрим на сугробы. Во всем теле ощущение, что не зря жизнь проходит...

Ночью загуляла собачья свадьба. Курила и смотрела, как на улице в присутствии десяти свидетелей дворовый пес занимался брачными обязанностями с подругой. А потом подружка развернулась и стала любить дружка тем же способом. Показывала, как надо, или просто рассердилась...

Только заснула, слышу – дымом потянуло. Дверь входную открываю: мимо меня несется по лестнице в оранжевых трусах член городского совета азербайджанской диаспоры, человек в городе уважаемый, многодетный, награжденный орденом «Дружбы народов», имеющий автомобиль «Мерсе-

дес»... В руках таз с водой, глаза как луковицы, орет во все горло: «Горым, горым нахуй!»

Оказалось, мусоропровод дымит, как вулкан Эйяфьятлай-окудль. Сам член совета азербайджанской диаспоры ростом махонький, слабонький, хотел вылить воду в кратер мусоропровода, да с гравитацией не совладал. Окатил себя сверху, трусы под воздействием воды до колен слетели, а он и не заметил, снова в квартиру за водой. Сосед справа вылетел из квартиры, как Тесей из лабиринта – седой и небритый, матом заорал так, что лампочка взорвалась. Пообещал с курильщиками в подъезде бороться методами, описывать которые я, женщина политесная, не имею права. Где-то внизу дворник голосил: «Господа, господа, побойтесь бога! На улице минус пятнадцать, а контейнер в подвале доверху!»

В сто пятьдесят пятой девочка закричала нечеловеческим голосом. Я пожарных пересчитала, поняла, что, если еще и я пару тазов в мусоропровод вылью, дом всплывет, и мы поменяем адрес.

Собаки лаяли голосами от баса до фальцета, захотелось взять ружье и пойти загонщицей. Вокруг босые бабы фонарями светили друг другу в лица и голосили от ужаса. Не хватало только римлян и фашистов. Наконец-то узнала, кто в какой квартире живет. Член совета, мокрый и блестящий, как карась, носился вверх-вниз с тазом, почувствовала – еще немного, и от его трусов меня идиосинкразия задушит. Дверь закрыла, зашла на кухню, варенца выпила, окна при-

открыла и пошла спать. Надо сваливать в деревню к чертовой матери. Здесь жить в такой обстановке решительно невозможно.

Когда я увидела этого мужчину в первый раз, мною овладело негодование. Неужели в Москве нет дома приличней, в котором не стыдно было бы поселиться такому человеку, как он? Неужто этому... как их там называют... представителю крупного бизнеса пристало покупать квартиру в затрапезной девятиэтажке, где лифты работают через день, а чинить их приходят раз в месяц?

Впервые он попался мне на глаза за полдень третьего сентября, когда я собралась идти за продуктами в гастроном. У меня случился тридцать второй день рождения, вечером я ждала гостей, а в течение всего дня мне нужно было заниматься уборкой, готовкой и в ходе этих мероприятий изловчиться и выделить время для приема поздравительных звонков по телефону. Именно поэтому я проспала и вышла на площадку, наспех застегивая плащ, около половины третьего дня.

На площадке стоял он и о чем-то спорил со слесарем. Из них двоих мне был хорошо известен только слесарь, который, пользуясь моим статусом одинокой и ничего не соображающей в быту женщины, то менял мне всю водопроводную систему, когда тек кран, то советовал сменить унитаз, купив у него «за полцены», когда тот подозрительно журчал. Однажды заметив у меня в кошельке доллары, как раз в тот мо-

мент, когда я с ним расплачивалась за какую-то ерунду, он решил, что это как раз то, чего ему не хватало в его истощавшей от однообразия жизни. И теперь, едва у меня возникали неполадки в обогревательной системе, на вызов неизменно прибывал этот вечно небритый и пахнувший луковой шелухой гражданин. Фамилия его была Сучков, и этот Сучков, по всей видимости, взял над моей квартирой шефство.

Прошу простить меня за маленькое отступление. Окажись рядом с незнакомцем кто-то другой, я бы сразу заговорила о незнакомце, а не о слесаре. Но за последние полгода мне так осточертел Сучков, что стоило подумать о чем-то нехорошем, так сразу представлялся он.

Все, о Сучкове более ни слова. Разве что еще пару строк, и только потому, что с ним разговаривал этот мужчина. Незнакомец был одет в серьезный деловой костюм, дорогой, спокойных тонов – я в этом разбираюсь, на ногах черные туфли, в которых я тоже кое-что смыслю, точнее – в их цене. Но эти туфли и – о боже! – брюки до колен были покрыты пылью, словно он только что прибыл с поля, где нарезал крестьянам наделы. В тот момент, когда я открывала дверь, он даже не оглянулся на меня. Стоял и разговаривал с Сучковым.

– Понимаешь, дверь сломать – не поле перейти, – раскручивал мой долбаный слесарь незнакомца на наличные. – Я все понимаю, но и ты меня пойми. Это ведь работа, а кто нынче работает бесплатно?.. Здравствуйте, Лариса Инваровна.

Здороваться с вымогателем я не захотела. Поздороваемся, когда он придет бесплатно отворачивать заржавевший кран на трубе в туалете. Там, под унитазом, какая-то дурацкая труба проходит, на ней кран, и он покрылся такой коррозией, что напоминает чагу на березе.

Замков у меня много, так что, если не торопиться, успею дослушать эту беседу до конца. Спешить действительно не стоило, до застолья еще часа четыре, а до магазина – пять минут ходу.

– Ты не забесплатно работаешь, – возразил, к моему величайшему удивлению, мужчина. – Ты трудишься за зарплату. А сюда послан начальником ЖЭУ, то бишь – на работу. Поэтому не морочь мне голову и ломай эту дверь.

Так-то вот, слесарюга... Это тебе не слабой женщине голову морочить. Отшить, конечно, и я умею, но когда речь заходит о схеме поступления горячей воды в систему да об устройстве унитазных поплавков... Тут приходится платить.

– А амортизация инструмента? – произнес волшебную для меня фразу Сучков.

На этом месте я обычно входила в транс и лезла в сумку за кошельком, а незнакомец в туфлях от Берлуччи даже не дрогнул.

– Амортизация стамески и молотка? – спросил он Сучкова странным голосом. – А за амортизацию мозгов во время их применения тебе не заплатить?

– Замок, видишь, какой мощный? – продолжал «вымора-

живать» авторитетного мой куратор по сантехнике. – Там ригель стальной, стамеска сломается, а она в магазине полторы сотни стоит. Обнаглели торговцы. А то и двести... Видано ли?

– А ты за ломом сходи, – посоветовал незнакомец в тот момент, когда я заканчивала расправляться со вторым замком. – Его в магазине сволочные торгаши не продают по той причине, что он никогда не ломается.

– Ломом я коробку поврежу.

– Я разрешаю, – не замедлил с ответом бизнесмен. – Я все равно металлическую ставить буду.

– Не, ты сам подумай, – упирался Сучков, вынимая из своей кастрюли последнюю лапшину. – Мне сейчас в ЖЭУ за ломом бежать, потом обратно с ломом. И весь этот забег на восемьсот метров бесплатно, в то время как Мария Мутола за то же самое в Париже получила миллион долларов.

– Если ты пробежишь за то время, за которое она пробежала, я заплачу тебе миллион долларов.

– Но ведь я не миллион долларов прошу, а пятьдесят рублей? На полтинник-то я набегаю.

– Но на тебя не смотрит вся страна, как на Мутолу, – оппонировал сантехническому коварству незнакомец в костюме от Армани. – На тебя смотрю я, и мне это, признаться честно, начинает надоедать.

В этот момент я запирала последний, третий замок, и окончание фразы незнакомца меня немного расслабило. Ни

один отморозок в Москве, кроме разве что Сучкова, не знает, кто такая Мария Мутола. Я не конченная дура, но тоже не знаю, кто такая Мария Мутола. А этот вылизанный, бандюковатого вида мужик со сломанным носом и по пояс в пыли, знает и употребляет в своей речи такие обороты, как «признаться честно». Вот если мне признаться честно, то последний раз я такие словосочетания слышала вчера, во время просмотра очередной серии «Идиота» Достоевского.

Пятьдесят рублей у незнакомца наверняка есть, не вопрос. Но он не хочет отдавать их за амортизацию лома. То бишь не привык, чтобы его кидали. Любопытный бизнесмен, похожий на этого, – а таких я пересмотрела на своем жизненном пути немало – не стал бы спорить и вымогательство слесаря размером в один доллар шестьдесят шесть центов обманом бы не счел. Дал бы сотню, и Сучков выломал бы эту дверь в два раза быстрее. А этот оказался с принципами. Интересно, чем он торгует? Углеводородами или женской одеждой? Лучше бы последним, может, скидку бы делал, а я у него постоянной покупательницей была бы. В общем, о чем только не подумаешь, слушая чужой разговор...

– Заплатил бы за работу, и делов-то... – кастрюля была пуста, и Сучков откровенно заныл. – «Полтишок» – не деньги, а так стоим и время теряем...

Реформа ЖКХ сказалась на обслуживании населения и моральном облике работников ТСЖ самым гадким образом и привела к тому, что люди перестали понимать друг друга

даже на кухне у протекшего крана. И тут я поняла, что нужно делать с Сучковым, когда он начинает переходить рамки банального приличия.

Развернувшись к двери, мужик всадил в нее свою ногу, и деревянная створка, выхлопнув на площадку облако сухой извести, влетела внутрь. Врезал он, по всей видимости, не слабо, потому что дверь, заскочив в квартиру, с хрустом оторвала от косяка петли и полетела дальше. Кажется, в спальню.

У меня опустились руки. Начало неплохое. Судя по всему, передо мной, в белой рубашке и черном галстуке, – новый жилец, читай – сосед. Хотя была еще какая-то толика надежды на обманчивость первых впечатлений. Я знаю, что такое Сучков, и знаю, как иногда хочется вот так же, отступив на шаг назад...

Мне понравились действия незнакомца...

– Тебя как зовут, фраер? – спросил между тем мой новый сосед.

– Су... Сучков. Владимир Филимонович, – по голосу чувствовалось, что в такой форме моему слесарю еще не отказывали.

– Так вот, Владимир Филимонович. Потеряйся и спрячься так, чтобы я тебя не нашел. Мне не жалко полтинника. Я не люблю, когда мне трахают мозг. Это так, на будущее, – и с этими словами мой новый сосед вынул из кармана пятьсот рублей и протянул Сучкову. – И когда в следующий раз я

тебя позову, сделай все быстро и молча. Ты меня понял?

Сучков кивнул.

Я так и знала! Нет, мое женское чутье по-прежнему меня не обманывает. Едва увидев мужика, я сразу поняла, что он из этих. «Сделай все молча и быстро»... В отношениях между кредитором и дебиторами это самая расхожая фраза. Один такой скажет, а потом самого его не видно, зато приезжает различный скот, который жует, вяло водит глазами и плюет прямо на пол. Я закончила с последним замком и теперь имела возможность рассмотреть этого вышибалу с головы до ног. Другому за это он, возможно, и по голове дал бы, а мне нельзя, я – соседка.

И тут выяснилось, что он только что меня увидел. Не замечал, когда я щелкала замками. Они у меня бесшумные, хорошо смазанные. Но паразит Сучков со мной здоровался, а незнакомец даже не дрогнул. Оно понятно. Если всякий раз на таких, как я, внимание обращать, то внимания не хватит...

Увидел меня и даже не стушевался.

– Доброе утро.

Доброе? Возможно. Для Сучкова, наверное, да. Но, как теперь выясняется, не для меня. Если те, кто будут вставлять упомянутую металлическую дверь, приедут не сейчас, а вечером, то собственный день рождения я буду справлять под тосты, сопровождаемые запахом сварки, визжанием дрели и пулеметным стуком перфоратора.

Почему я знаю, что такое перфоратор, и не имею представления об устройстве унитазного бачка? Да потому, что мой директор, заключивший сделку с прибалтами, получил расчет не деньгами, как принято, и не бачками, а перфораторами. И вот уже месяц я знаю, для чего нужен перфоратор, какие звуки издает при работе, сколько стоит, где применяется, но ни разу не видела его воочию. И не могла видеть, потому что прибалты уже месяц не могут оформить документы, чтобы переправить их через таможду. Или не могут, или не хотят. Скорее, не могут, потому что переправить три тысячи перфораторов через границу очень трудно.

– Здравствуйте, – процедила я и скользнула по лестнице вниз.

Возвращалась я в настроении, не свойственном имениннице. Из головы не выходил этот бугай со сломанным носом, вышибающий дверь в свою новую квартиру. Что будет дальше? Собаки-мутанты, «Мерседесы», гудящие под окнами в четыре часа утра? Жующие телохранители, гульба круглые сутки? И выстрелы. Резкий запах пороховой гари, который я еще не успела забыть после собрания учредителей в моей фирме, крики и... тишина.

Приоткроешь дверь – а он лежит на лестничной площадке, модный, не совсем живой, и на его затылке еще парит рана от контрольного выстрела... Конкуренцы... Жуть. Ему денег не хватило на особняк в Барвихе... И где была охрана?

Еще один сюрприз мне был оставлен в почтовом ящике.

Перед тем как выйти на улицу, я его открыла, и мне в руку вывалился конверт. Канули в Лету времена, когда поздравления с днем рождения отправлялись в виде открыток. Мне пришло заказное письмо из конторы какого-то нотариуса. Пришлось идти на почту, хорошо еще, что она рядом с домом. Там же и конверт открыла.

«Уважаемая Лариса Инваровна! Я приглашаю Вас в свой кабинет по делу, касающемуся Вас». Точка. Подпись. Дата. Обожаю юристов. Бросила письмо вместе с конвертом в сумочку и отправилась в магазин.

Зайдя в подъезд, я услышала звуки, которые хоть и раздражали, настроение все-таки повысили. Уже на первом этаже пахло сгоревшим железом, а на нашем этаже раздавался стук и визг. Бригада по установке дверей приехала к бизнесмену в течение часа, который у меня ушел на посещение продуктового отдела супермаркета.

Поднимаясь по лестнице, я старчески кряхтела – вполне здорова, но килограммов десять на четвертый этаж – не дамский труд. Можно было завести «помощника по хозяйству», но приводить в дом мужика только для того, чтобы он таскал сумки? Боже упаси! Потом придется расплачиваться за это готовкой ужинов, глажкой чужих штанов и ежедневным завинчиванием тюбика с зубной пастой. Я лучше четыре раза в месяц сумки потягаю, чем делать это ежедневно при тюлене на диване. Ты будешь бегать туда-сюда, а он лежать на диване, аки морской котик, хлопать лапами и издавать омерзи-

тельные крики от голода. Увольте...

Чтобы не стать стервой, женщине нужен регулярный секс и здоровое питание. Ну, еще добропорядочный коллектив для труда, за который ты получаешь хорошую – я подчеркиваю – хорошую! – заработную плату, и порядочное жилье. Я перечислила все, что мне нужно, теперь пусть кто-то попробует возразить или просто спросить – а муж? А зачем он нужен, если у меня есть все, что может дать он?

На площадке трое в комбинезонах колдовали с мощной стальной дверью. Очень хороший форпост для таких, как мой сосед. Автомат не берет, граната не разрывает, а менты о нее все ноги переломают. Мечта бизнесмена. По всей видимости, аромат моих духов пробился сквозь вонь окалины, потому как все трое прекратили сверлить-долбить и устали в мою сторону.

– Хозяйка? – добродушно поинтересовался один из них, опуская на пол «болгарку».

– Не этого очага, – разочаровала я его и поставила сумки перед своей дверью.

– Вот дьявол, – огорчился мастер. – Через полчаса уже работу сдавать. А это... Некому.

– А где этот, – я сложила пальцы щепоткой и потерла ими о новую дверь.

Все трое похлопали глазами, из чего я поняла, что они недопонимают, о ком речь. Пришлось язык жестов сменить на здравую речь.

– Бизнесмен этот где? Я час назад выходила, он здесь был.

– А-а!.. – сообразил тот, что постарше, с дрелью, и его лицо посетила благодушная улыбка. – Душит, наверное, кого-нибудь, где ж еще.

Да, конечно. Это я глупость сморозила. Где же ему еще быть? Наверное, мой новый сосед уже разорил одну компанию и теперь поглощает другую. У них это в порядке вещей. Главное, чтобы не добрался до той, в которой я работаю. Открыв замки, я заперлась дома и два часа пылесосила, мыла, чистила и готовила.

А в начале седьмого ко мне потянулись гости. Первыми пришли Володя Маркин с женой, через пять минут вслед за ними Маша Варькина с другом и, наконец, весь штат ЗАО «Энергия». Ровно в семь мы уселись за столом. Все время у меня из головы не выходил новый сосед. Мастера по установке дверей уже давно уехали, значит, кто-то прибыл на адрес. Либо сам, либо хозяйка, либо какой-нибудь управляющий. Они, сами, – заводить управляющих и горничных – очень любят. Хотя, вполне возможно, бизнесмен послал в квартиру кого-то из своих «жвачных». Но, едва порог моей квартиры пересекла пара Маркиных, о бандите я забыла. Вспомнила лишь, когда на площадке стали раздаваться звуки, не оставляющие сомнения в том, что в соседнюю квартиру поднимают и заносят мебель. Тросы лифта беспрестанно гудели, грохотали, снова натягивались и снова гудели. То, что в кабину входило, то везли, что не помещалось, то носили. Все, как

у людей.

В какое время звуки на площадке стихли, я уже не помню. Обратиться на это внимание было невозможно, потому что после того, как все мои собрались, Маша включила магнитофон. Он у меня хороший, японский. Когда я говорю японский, я не имею в виду, что на нем написано «Kenwood» или «Sony». Я имею в виду, что он собран в Японии, а не в Малайзии и не в Китае. Если его включить на полную мощность, то от стен начинают отклеиваться обои. Маша ничего не берет на веру, ей все обязательно нужно пощупать и понять. Наверное, по этой причине и явилась ко мне с этим парнем с обликом австралопитека. Мышцы у него, как мне показалось еще на лестничной клетке, даже на языке и ноздрях. Он жевал, не глотая, все проваливалось само собой, и был похож не на гостя, а на предмет интерьера. Один раз я случайно забежала в ванную и увидела его там в позе паралитика. Машин спутник стоял в позе семафора и напрягал, рассматривая в зеркало, свой трицепс.

Я опять отвлеклась. Со мной всегда так происходит, когда на пути встречается полудурок. Меня это ужасно возмущает, ибо горжусь, что принадлежу к роду человеческому, и огорчения добавляет подозрение в том, что эти типы попадают лишь на моем пути. Так вот, Маша – нигилист по натуре и соглашается лишь с тем, что совершенно очевидно. А сейчас в ее голове не совмещался громкий звук и отваливающиеся от стен обои. Я уже не помню, в какое мгнове-

ние у меня родился этот экспромт с обоями. Забегая вперед, скажу, что я очень благодарна этой пришедшей мне в голову глупой мысли – объявить свой магнитофон источником «альфа»-частиц.

Я не люблю громкой музыки и не люблю пари. Но, когда веселье в разгаре, тут пойдешь на любой спор. Трезвому человеку никогда не придет в голову ставить подобный эксперимент, так как ему должно быть совершенно понятно: треск отклеивающихся обоев не будет слышно из-за грохота музыки...

Эксперимент закончился не треском на стенах, а громким стуком в дверь.

Почему-то сразу пришла в голову баба Валя с третьего этажа. У нее хроническая бессонница, спит она лишь по два-три часа днем, и музыка ей мешать никак не может. Однако чувство порядка и требовательности к окружающим у этой женщины развито так сильно, что она обязательно остановит прохожего, если тот бросил окурочку мимо урны. Прохожий, конечно, к окурочке не вернется, зато баба Валя на некоторое время обретет покой – она остановила беспредел.

Конечно, нужно вести себя более культурно, когда ты празднуешь день рождения, а на улице уже давно наступил следующий день, однако зачем барабанить так сильно? Приготовившись успокоить общественное мнение, я открыла дверь и следом открыла от удивления рот... На пороге стоял он.

Мой новый сосед. В спортивном костюме, в сланцах и с той же безразличной пеленой в глазах, что и вчера. Разве что с едва заметной поволокой. Наглым взглядом оценив меня с головы до ног, задержавшись на последних на секунду больше, чем того требовалось, он поинтересовался:

– Я вас не разбудил?

Понятно, что нет, раз на мне короткое вечернее платье, а на ногах шпильки высотой с Останкинскую башню. Мне пришло в голову, что, когда я в туфлях, а он в сланцах, мы приблизительно одного роста. Понятно, что меня никто не будил, раз я спала до двух, а сейчас возбуждена от вина и танцев. В моей квартире вообще некого будить. Вот они, оба, Маркин и Машкин Тарзан, за моей спиной, возбужденные от водки и твиста. А если кто-то думает, что те шесть, оставшихся в квартире, продолжающих скакать по паркету, спят, то он опять не прав. Сделав в голове такие правильные выводы, я, тем не менее, глупо ответила:

– Нет.

– А в чем дело? – Это, наверное, первое, что я услышала из уст Тарзана. Его речь была, оказывается, так же груба и напряженна, как трицепс в ванной.

– Лариса Инваровна, – продолжал, не обращая внимания на бугрящегося бодибилдера, сосед, – у вас часы в доме есть?

Меня изумила не суть вопроса – она была понятна, а то, что он помнит мое имя. А мне-то показалось, что тогда он меня даже не заметил...

– А в чем дело? – возмущенный, что никто не обращает внимание на его выставленную за косяк дельтовидную мышцу, опять вклинился Тарзан.

А я ответила:

– Есть.

– И у меня есть, – не повышая и не понижая голоса, заметил мужик. – Они показывают начало второго. Ночи, заметьте. И они не стоят – прежде чем выйти из квартиры, я их проверил.

– А вы не из Берлина переехали? – выпей я на бокал меньше, мне бы вряд ли пришла в голову мысль поддержать сарказм. – Там сейчас как раз половина одиннадцатого. Вечера.

– Я переехал из соседнего района.

– Ой, а с чем был связан переезд, если не секрет?

– Не секрет. Мне сожгли квартиру.

Я должна была догадаться.

– Нет, а в чем дело?! – Я стала догадываться, что Машкин хахалхал на самом деле не понимал, в чем.

– Закройте его тряпкой, – и я увидела, как мой новый сосед выглядит, когда начинает терять терпение. Он понимал, кто в этом доме хозяин, поэтому смотрел на меня, а не на Тарзана. – Пока я ему хвост не выдернул.

– Чего?..

Оттолкнув – я бы не сказала, что мягко, – меня, груда мышц вывалилась из квартиры и на какое-то мгновение заслонила соседа. Перед моими глазами стояла лишь накачан-

ная, как резиновая лодка, спина. Шагнув в сторону, я вновь охватила плацдарм взглядом.

– Что ты сказал?!

– Вернись в квартиру, – резко попросила я Тарзана. – Немедленно.

Однако тот уже вошел в роль. Зависнув над новоселом, он до сумасшествия грозным взглядом пытался придать своим бесконечным вопросам максимум эффекта. Так ведут себя петухи перед боем за деньги.

Происходило то, чего я боялась с первой минуты вселения в этот дом нового жильца. Этот мужик со сломанным носом и едва заметной сединой в висках вяло моргал, но я уже догадывалась, что, если не остановить подпитого атлета, дело закончится лужей крови и грудой трупов. Хмель стал выходить из моей головы, как сигаретный дым при включенном вентиляторе.

– Быстро зайди в квартиру! – Схватив обеими ладонями руку толщиной с анаконду, я стала делать бессмысленные попытки затолкнуть дурака в дверь своей квартиры.

Я очень хорошо понимала, что делала, а дурак нет. Мой призыв он воспринял именно так, как все тупые мужики воспринимают просьбу женщины не лезть в драку. Говоря иначе, мои потуги он понял, как клич драку начать. При других обстоятельствах, если бы дело закончилось рукопашной, я бы была в относительном покое. Весовые категории этих двоих разнились столь сильно, что сомневаться в том, кому

достанется приз, даже не стоило.

Сосед был пониже атлета, поэтому ему приходилось смотреть чуть снизу. Не понимаю, почему, но меня посетило удовлетворение от того, что униженно от этого он не выглядел. Наверное, это мое чувство возникло по причине того, что Машкин нарцисс весь вечер не сводил своего липкого взгляда с меня и моих ног. Липкие взгляды тоже бывают разными. От медового отрицательных эмоций, впрочем, как и положительных, я не испытывала. Другое дело, когда кто-то размазывает по тебе слюнявый липкий взгляд. От этого всегда тошнит. Сосед тоже обратил особое внимание на то, что у меня выросло за тридцать два года ниже обреза подола, но этот взгляд я встретила со странным для себя удовольствием. Он был ласкающим, скорее любопытным, чем цепким, и на колготках затяжек не делал.

Между тем конфликт усугублялся. Музыка была уже выключена. У большинства гостей хватило ума не вмешиваться, тем более что они и без того видели уязвимость позиций моего соседа. А я окончательно протрезвела и в ужасе стала разводить ситуацию в разные стороны. Завтра гости, доев и допив, разойдутся, а сосед, смиренно приняв сейчас поражение, будет действовать по принципу Кутузова, решив, что с проигрышем одной позиции не проиграна общая битва. И уже с понедельника рассветы моей жизни окрасятся в багровые тона. Да уже сегодня может что-нибудь окраситься! Прямо здесь! А мне это нужно, черт побери этого качка-де-

генерата?!

– Зайди в квартиру! – завизжала я дурным голосом.

И придурок, конечно, расшифровал: «Бей гада!»

И он ударил. Точнее, махнул рукой. Хорошо махнул, профессионально, я даже свист услышала. Услышала сквозь намертво зажмуренные глаза...

Но звук удара раздался гораздо ниже, чем я ожидала услышать. Такое впечатление, что это не Тарзан в цель попал, а в него попали.

Когда я распахнула свои покрашенные ресницы, Тарзан стоял перед соседом на одном колене и держался за правый бок обеими руками. Точно так же, как секунду назад я держала его за руку. Я была как-то с ребятами из «Энергии» на рыбалке и очень хорошо помню, как вел себя выуженный четырехкилограммовый судак. Он жадно хватал белыми губами воздух и едва заметно подергивался. Не знаю, с чем была связана такая аллегория, наверное, воспоминания навеяла мертвенная бледность Тарзана. Хотя Тарзана ли?.. Меньше всего Машкин хахаль был похож сейчас на этого короля джунглей. Он напоминал скорее гипсовую скульптуру, которой хулиганы перебили ломом ноги.

В холле за моей спиной раздался выдох удивления.

Господи... Что сейчас будет? Я зажмурилась снова, только теперь в полной беспомощности. Видит бог, я не хотела этого, но поймет ли меня сосед? В милицию, что ли, позвонить?..

Меня, хотя я и была уже трезва, понесло в темноту. Освободилась я из тьмы лишь тогда, когда меня кто-то аккуратно поддержал под локоток. Шагнув в сторону, я удержалась на ногах и пришла в ужас. Меня держал за руку сосед. Сейчас ногой приложится, и я так же, как Тарзан... Только не на колено, а на спину. Приземлюсь уже, наверное, в спальне. Я помню ту дверь днем, а планировка квартир у нас одинаковая...

– Простите, – услышала я, открыв глаза. И новый жилец тактично вернул свою руку в карман спортивной куртки. – Я не собирался делать ничего подобного, досадно, что молодой человек так распоясался. И все-таки убавьте музыку до минимума, если уж никак невозможно выключить ее совсем.

Гости, поняв, что хамство исходит лишь от Машкиного ухажера, увели его и прикрыли дверь. На площадке четвертого этажа остались лишь я и он. Они не знали, с кем оставили хозяйку, и не понимали моих чувств. Странно, что сосед не произвел на них такого же впечатления, что на меня. Я стояла и, стараясь сохранять независимый вид, смотрела на мужика. А он, не обращая на гордую женщину внимания, стал уходить к своей квартире. Я начала хлопать ресницами и продолжала это делать даже тогда, когда он на пороге обернулся:

– И... Не могли бы вы снять эти туфли? Вас, женщин, там не меньше четырех. И пол у вас, кажется, паркетный. С ума сойти можно, а мне вставать в шесть.

Я растерялась окончательно.

– Простите, если помешала вам, – общий грех я взвалила на свои хрупкие плечи. Подумав, часть груза свалила: – Мы больше не потревожим вас. Обещаю.

Он неопределенно качнул головой, стал уже прикрывать дверь, и в этот момент меня прорвало:

– Послушайте, я даже не знаю, как вас зовут. Вы приходите домой в костюме за две тысячи долларов и по пояс в пыли, выбиваете дверь в своей квартире ногой, бьете одного из моих гостей, извиняетесь за это и просите сделать звук тише вместо того, чтобы устроить скандал! При этом вы носите одежду из салона мужской одежды, похожи на криминального авторитета, живете через стенку, а я даже не знаю, как вас зовут!

С каждым словом, видя, как он внимательно слушает меня, наклонив голову, я заводилась все больше и больше. Передо мной стоял мужик, который умеет слушать! Умеет носить вещи, постоять за себя, не срываться на крик и слушать! Это мужик! Не инопланетянин!.. Или я по-прежнему пьяна и сейчас стою на площадке, разговаривая с миражом, одна?!

Нет, это не было видением. Мне протягивал руку самый настоящий мужчина, имеющий привычку на ночь бриться и чистить зубы мятной пастой, не забывая завинчивать тюбик.

– Антон Павлович. Антон, одним словом.

– А где вы работаете, Антон? – Я пожалала его крепкую ладонь. – Вы сказали, что вам с утра на работу? Вам – и на ра-

боту?.. На какую работу? Если не секрет, конечно?

– Не секрет. Я восстанавливаю справедливость.

Ну, да, конечно. Опять глупый вопрос задала. Чем же еще этот мужик со сломанным носом может заниматься, кроме как справедливость восстанавливать? На Капитана Америку он не похож, на Человека-паука тоже. Скорее, на внука дона Карлеоне, удачно сбежавшего от собственной охраны. Заходя в квартиру, я придержала дверь и виновато улыбнулась.

– Еще раз простите, что разбудила вас, Антон Павлович. Вас... и вашу жену.

– Я не женат. Для меня это роскошь, – объяснил он.

Понятно... С женой понятно. Ее нет.

И все-таки я не хотела прощаться. Позвала его по имени, стараясь успеть, пока не щелкнет замок на новой стальной двери.

– А солидным мужчинам негоже ходить по пояс в пыли.

– Я гулял в лесу.

– В костюме... – я едва не захлебнулась. – В костюме за две тысячи долларов?!

– Это с пылью, – по-соседски подмигнув, он захлопнул дверь. Но до того, как она стукнулась о косяк, я успела услышать: – Без нее я брал костюм за две с половиной.

Так я познакомилась с новым соседом.

– А этот мужчина очень даже ничего, – дернув бровью, многозначительно посмотрела на меня Маша. – Нет?

– Отправляйся к своему Маугли, – отмахнулась я и, ка-

жется, покраснела.

– Маугли болен, – и она равнодушно приложилась к бокалу с «Киндзмараули». – У него из печени анаболики через задницу выходят.

– Дай ему аллахола и вызови «Скорую», чтобы она увезла его отсюда к чертовой матери.

Идея на самом деле показалась мне толковой. Я велела выключить магнитофон, свет и отправляться по комнатам. Благо, их у меня было три.

Теперь, когда я не видела перед собой одного-единственного, совершенно чужого для меня человека, меня перестала интересовать целая компания давно знакомых людей.

Глава 2

А наутро – опять на работу, в это опостылевшее за три года ЗАО «Энергия». Ей-богу, я уйду из него. Работу главного бухгалтера можно найти и в менее неблагополучной организации. Неблагополучной в смысле не совсем законных финансовых и иных операций. Официально Гена Горецкий торговал оргтехникой, автодвигателями и электроинструментом, а на самом деле перегонял через свои счета астрономические суммы для других лиц. У меня иногда складывается впечатление, что именно для этого, а не ради получения жалких пяти-семи процентов прибыли от продажи компьютеров и создавалось это акционерное общество. Иногда Гена не брезговал и риелторской деятельностью. А всему виной была я. Упомянула всуе, что из Латвии приезжают мои знакомые и ищут квартиру. Цепкий ум Горецкого тут же ухватил тему, и по приезде знакомых в Москву Гена устроил в городе такую цепочку из восьми вариантов, что заработал на этом сумму, которую некоторые официальные агентства зарабатывают после квартала кропотливой работы. Был бы Горецкий торговцем чужим жильем, Билл Гейтс плакал бы, глядя на свои гроши. Но Горецкого прельщал простор, он не умел ограничивать себя ни в чем. Даже работать в одном направлении он не умел, хватался за все сразу и успевал все доделать до конца в ту секунду, когда истекали сроки

контрактов. Казалось, он работал не из-за денег, а исключительно для того, чтобы почувствовать себя первым в эту самую секунду.

Уж коль скоро речь зашла о прибалтах, нужно кое о чем рассказать. Например, о том, что я – самая настоящая прибалтийка. Латышка, точнее сказать. Лариса Инваровна Рапкунайте. Мой отец, Инвар Рапкунайте, был в свое время руководителем горкома КПСС. Зимой мы всей семьей жили в Риге, а на лето отец отправлял меня в Земгале. Из этой южной части Латвии я сохранила в памяти колоссящиеся поля и пасущихся на выгоне коров. До семнадцати лет я жила, зажатая между Эстонией и Литвой, как арестант на заднем сиденье автомобиля. К окончанию школы шестидесяти четырех с половиной тысяч квадратных километров республики мне хватать перестало, и я, возложив все надежды на снисходительность преподавателей экономического факультета университета, переселилась в столицу. Университет я закончила, а вот оставаться в Латвии почему-то не захотела. Наверное, маминых генов в меня переселилось больше отцовских, и русского во мне было все-таки больше.

А еще, говорят, была бабушка. Ей, если верить родителям, сто два года и проживает она в Амстердаме. В первые же дни Октябрьской революции родители увезли ее в Париж. Там прадедушке и прабабушке не понравилось (не знаю почему – в те времена арабов в Париже не было вовсе), и они уехали в Голландию. Там и осели. А через пятьдесят лет бабушка

стала единственной владелицей сырного завода. Приблизительно в это же время от нее на историческую родину убежал папа. Тут же, конечно, сел в СевЛаг, но через два года начались массовые реабилитации. Выйдя, он упрочился во мнении, что диалектический материализм, он же – марксизм-ленинизм, – есть единственное учение, несущее свет, и стал коммунистом. Да так упрочился, что вскоре стал первым секретарем горкома партии.

Отец давно ушел на пенсию и теперь, как там, у нас, водится, возглавляет какую-то оппозиционную компартии фракцию. Должность почетного председателя позволяла ему до недавних пор пересылать мне по триста долларов в месяц, но три года назад, когда я стала зарабатывать в месяц в десять раз больше, я уговорила своего борца с коммунизмом денег мне больше не слать. Два раза в месяц я получаю из Латвии письма и на следующий день бросаю в ящики ответные конверты. Перезваниваемся чаще, настолько чаще, что я начинаю подумывать о том, что отцу к положенной заработной плате почетного председателя добавили пару-тройку тысяч лат. Как раз столько, по моим подсчетам, он и тратит на международные звонки. Впрочем, беспокоиться о финансовом положении моих родителей не приходится, так как три года назад отец приобрел особняк на берегу Балтийского моря, в деревеньке, которую я, по причине своей русскоязычности, выговариваю лишь по слогам. Ве-на-ля-би-на-яльбе. Вена-ля-бина-яльбе. Да, Веналябинаяльбе. Что-то вроде нашего

Старопромысловска.

Из Латвии я бежала в девяносто восьмом. Позвонила Ма-ша, бывшая сокурсница по университету, и пригласила в Москву. Я собрала два чемодана вещей, купила в дорогу жареную курицу и отправилась на поиски счастья в восточном направлении. Через шестнадцать часов вышла на перрон огромного незнакомого города, посмотрела на пробежавшую мимо бродячую собаку, села на чемоданы и, откусывая от местного беляша, заплакала. Сопли и слезы перемешивались с фаршем, и неудивительно, что первым, кто меня заметил, оказался милиционер. Мой вид натолкнул его на мысли, что минимум, что со мной произошло, – это изнасилование, сопряженное с ограблением. Я успокоила его, он успокоил меня, да так мы и остались вместе на ближайшие два месяца. Человеком он оказался хорошим, спиртным не увлекался, домой приходил вовремя, сам готовил ужин, служил честно, деньги брал лишь из рук кассира УВД города Москвы, поэтому мои средства, привезенные из Латвии в качестве «подъемных», очень скоро закончились. Я намекнула, что неплохо бы получить в Управлении квартиру, а то в комнате общежития УВД площадью в восемь метров как-то неудобно, на что он возмущенно ответил, что... В общем, в Москве таких сержантов без квартир столько же, сколько девиц, выброшенных волнами Балтийского моря к ее вратам.

Позавчера я, проезжая на своем «Рено» мимо гастронома «Быстроном», его видела. Мы только что с девчонками вер-

нулись с базы отдыха, поэтому ничего удивительного в том, что на мне были потертые «ливайсы» и старая джинсовая куртка. Видели бы вы, в чем приехала Машка! В платье и соломенной шляпе. Пришлось отправлять ее обратно, убедив в том, что вечерами у воды не согревает даже костер.

Когда я заметила у «Быстронома», куда собиралась заехать за продуктами, пьющего «Жигулевское» бывшего сожителя, меня разобрало такое любопытство, что я припарковала автомобиль и вышла навстречу ему из-за киоска. До этого, еще до «Энергии», мы встречались трижды – Москва город большой, но тесный, – и всякий раз он одалживал у меня денег. Когда сто рублей, когда двести, когда в подпитии, когда – нет. Я давала, жалея, но прекрасно понимая, что не вернет.

– Ну, как? – спросила я после традиционных приветствий старых друзей. – Что нового?

Он был рад встрече, как ребенок, эти годы в сволочь его не превратили, о чем я, справедливости ради, должна заметить. Был по-прежнему приветлив и добр. Единственное, из-за чего он расстроился, это из-за моего скоропалительного бегства пять лет назад.

– Ты поспешила, Лара, – сказал он, откровенно расстроившись. – Зачем было так торопиться? Мне выделили комнату в новом общежитии, она почти в два раза больше, душ на четыре семьи. Третий этаж, просторно. Зарплата сейчас приличная. Кстати, можешь поздравить, мне присвоили старше-

го сержанта.

Я от всей души поздравила и угостила сигаретой из пачки «Парламент». Он удивился, но прикурил, справившись о том, где я работаю. На этот вопрос его навела, очевидно, пачка сигарет.

– Главным бухгалтером, – улыbnулась я и предложила подвезти его туда, куда он, по всей видимости, сейчас и направляется с коробкой конфет и бутылкой вина.

В машине он заметно осунулся и, рассматривая интерьер салона, стал говорить о том, насколько одинок. Все у него складывается хорошо: и карьера, и здоровье, слава богу, бандитской пулей не попорчено. Вот только с личным – того, не очень. Я везла его к какой-то бабе и жалела, как могла. Про себя, конечно, жалела, про себя. И уже у последнего подъезда дома, к которому он ехал, приняв от меня в подарок оставшиеся в блоке несколько пачек сигарет и не початую вчера бутылку виски, он заговорил о том, как мы зажили бы с ним, согласись я начать все сначала.

– Ты хороший парень, Миша, – по-доброму ответила. – Но я так тяжело шла к тому, что сейчас имею, что как-то не хочется начинать все сначала.

Сообразив, что мы уже чужие люди, он попросил в долг двести рублей, и я дала пятьсот. Дала бы больше, но у меня оставалось не больше тысячи на «Быстроном».

А неделю назад я случайно столкнулась на улице со своим вторым мужчиной. С тем самым, на кого меня вывела судь-

ба в качестве последнего испытания, чтобы на этом испытании и закончить. Я познакомилась с ним через два месяца после того, как рассталась со своим милиционером. Первая ошибка меня ничему не научила, и в свои двадцать семь я все еще оставалась той девочкой со смешными косичками, бегающей по золотым полям Земгале и мечтающей об иноземном принце.

Принцем Максим не был, просто выглядел приличным человеком. В нем на самом деле все укладывалось в мое представление о порядочном мужчине. Будучи старше меня на пять лет, он носил хорошую одежду, ездил на новеньком «Форде», имел бизнес и даже посещал казино. Заметив за столом одного из оптовых магазинов по продаже спортивного инвентаря светловолосую девушку, он, как любил говорить потом, «влюбился сразу и навсегда». В моем понимании «навсегда» – это навсегда. То есть по-другому уже никогда не будет, а никак не на три месяца. А Максиму понадобилось ровно столько, чтобы однажды, приехав в его загородный дом, я застала его с какой-то девкой в постели... Я бы нервничала гораздо больше, если бы эта девочка с торчащими ребрами и узловатыми коленями была красавицей. Но ребра торчали, коленки выпирали, и спрятать это за чем-то другим было невозможно по причине того, что это были самые широкие запчасти на теле топ-модели местного модельного агентства.

Разбив на голове Макса привезенный пакет с провизией, я пошла наверх и, под визги истощенной диетыю штучки, ста-

ла собирать свои «дежурные» чемоданы. Если разобраться, то девочка была ни при чем. Ей, так же, как и мне, захотелось хорошей жизни, она стремилась к этому всеми фибрами своей души, а то, что стерва с продуктами прибыла на два часа раньше, чем обещала, так это не вина девочки.

Максим, кутаясь в спадающую простыню, бегал вокруг меня, как нищий вокруг купца, и без остановок твердил о том, что он может все объяснить. Откровенно говоря, любопытство едва не задержало меня на пару минут. Мне очень хотелось послушать, каким образом он замотивирует нахождение своего детородного органа внутри этой мумии – а именно в этой позиции я застала его в спальне, но сорвалась. Врезала коленом по лбу его маленького друга и сбежала вниз.

И снова осталась на улице с двумя чемоданами в руках. Эти две маленькие истории помогли мне избавиться от долгой необходимости объяснять, почему теперь я счастлива в своем одиночестве. И, едва я перестала ставить главным принципом своего существования поиск спутника жизни, тут же получила все, о чем мечтала. Работу в «Энергии», дающую денег больше, чем затрачивалось сил на исполнение служебных обязанностей. Через полгода купила себе квартиру в новом доме, машину и обстановку. Дом теперь стал старым, и лифты в нем работают по воле Сатаны, первую «восьмерку» я давно поменяла на «Рено», сейчас для меня гонят из Швеции «Вольво». И теперь, направляя в деревню

со сложным названием письма, не нужно было лгать и плакать, выводя на бумаге: «У меня все в порядке».

В конце августа я заехала на авторынок, чтобы прикупить замену выдохнувшей в салоне «вонючке», и увидела Максима. Он стоял у контейнера в какой-то абсолютно дикого вида рубашке и объяснял приблизившемуся братку, что его «саморезы» для прикручивания номеров к машине – лучшие на этом рынке...

Одним словом, не понимаю, почему мне так жаль людей, не принесших мне в жизни счастья. У Макса на столике были как раз те освежители, которые я люблю – ванильные, но я поспешила удалиться и взяла первые попавшиеся на выходе. Вот этот-то аромат зеленого яблока и был так противен мне и так чарующ для Миши, когда я везла его к его знакомой.

«Лариса, нас приглашает твоя бабушка в Амстердам, – писал мне в письме папа. – Видно, к старости лет к ней пришло понимание неправоты, и она приняла позицию социализма как единственно верную. Говорит, что болеет и что хочет встретиться по важному делу. Ну и увидеть тебя, разумеется».

Я ни разу не видела бабушку, поэтому сообщение это не вызвало у меня ни тревоги, ни жалости. Полвека руководить сырным заводом, в то время как внучка первые месяцы в чужом городе о сырах и не мечтала, – это, простите, не Вивальди. Но все-таки я решила поехать. Попозже.

Оказавшись в «Энергии» Горецкого, я в течение года за-

нималась тем, что доделывала то, что не доводила до конца главбух Сидорцова Эмма Степановна. Выражаясь проще, несла крест бухгалтера. Время шло, день ото дня мне приходилось доделывать все больше, наконец наступил момент, когда я уже не доделывала, а выполняла всю ее работу. От Эммы Степановны все сильнее пахло по утрам пивом, запах которого пробивался даже сквозь аромат тщательно разжеванных кофейных зерен, но этот способ маскировки нездорового образа жизни хорош лишь для обмана обоняния. Труднее обмануть зрение Горецкого, которое у Геннадия Аркадьевича было, слава богу, в порядке.

И вот, когда мешки под глазами главбуха стали так тяжелы, что грозили оторваться от лица и отбить Эмме Степановне ноги, директор понял, что в условиях постоянного скольжения между налоговой инспекцией и правоохранительными органами наличие в организации подобного главбуха подобно смерти. Увольнение главного бухгалтера – самый трудный момент в жизни каждого руководителя предприятия. Вместе с человеком директор выпускает на волю собственные секреты, которые, разгулявшись, начинают по пьяной лавочке забредать в различные учреждения с красными вывесками и изменять гриф с «совершенно секретно» на «для служебного пользования». Для служебного пользования отделов: по борьбе с экономическими преступлениями, по борьбе с наркобизнесом, по борьбе с таможенными правонарушениями и других. Многих других, ибо трудовая

деятельность ЗАО Геннадия Аркадьевича Горецкого границ не знала. Ни государственных, ни таможенных. Смысл деятельности каждого предприятия – образование максимальной прибыли. И акционеры «Энергии», в числе которых состою, к слову сказать, и я, стараются на славу. Каждый занят своим делом, и все довольны. Я – главный бухгалтер. И тоже довольна. Конечно, иногда приходится заниматься тем, что особого удовлетворения не доставляет, но у меня всегда есть возможность уйти туда, где я буду получать удовлетворение и пять тысяч рублей зарплаты. Однако сейчас меня устраивает положение не всегда удовлетворенной своим трудом женщины, зарабатывающей в месяц до десяти тысяч долларов. Хотя в ведомости я расписываюсь за три тысячи четыреста пятьдесят восемь рублей ежемесячно. Ровно столько, сколько нужно, чтобы на месяц запастись колготками в бу- тике на Волочаевской.

Ночное протрезвление позволило мне, в отличие от остальных сотрудников «Энергии», выглядеть несколько лучше. Да и почему я должна выглядеть иначе? Спиртное я употребляю очень редко, к месту, и именно это позволяет мне наслаждаться процессом, а не конечным результатом. Потому и была я сегодня, четвертого сентября, при том же непогрешимом внешнем виде, что и всегда. Маша вон, вижу, тяжела. Знаю, всю ночь лечила Тарзана, потом он лечил ее, но, как я догадываюсь по не слишком выразительному взгляду, не долечил.

– Лариса Инваровна, зайдите, пожалуйста!

Раз Гена решил усложнить ситуацию проговариванием трудного для него моего отчества, значит, что-то случилось. Вчера он заскочил на минутку, часа за три до того, как Маша решила проверить магнитофон на обоях, поцеловал в щеку, вручил букет, шепнул, что подарок будет завтра, и тут же куда-то умчал. А сегодня примчал раньше всех, это я могу сказать точно, потому что он всегда прибывает первым. Всегда и везде, таков уж его девиз. Едва увидел меня, и сразу – по отчеству. Так Горецкий обращается к сотрудникам, когда предстоит трудная работа или Гена не в духе.

Направляясь в его стеклянный, расположенный в углу огромного помещения кабинет, я начинаю догадываться о том, что и работа предстоит не очень приятная, и Гена не в настроении.

Горецкому я нравлюсь, знаю, но это тот уважаемый мною тип мужчин, который, имея на пальце обручальное кольцо, никогда не позволит себе, как говорит новый сосед, «распоясаться». Так, взглядом провести по ногам да заскочить на секунду глазами за вырез, когда я наклоняюсь, чтобы показать ему, где нужно подписать бумажки. Меня это не раздражает, напротив, мне доставляет удовольствие ощущать внимание мужчин, тип которых приходится мне по вкусу.

– Лариса, садись, – Горецкий указал мне рукой на стул и закурил. Странное событие для человека, бросившего это занятие шесть месяцев назад. – У нас все ладно в этом... как

его... дебите-кредите?

Так мой директор именует финансовую документацию.

– Полный ажур, – киваю головой я. Через месяц очередной отчет, но это будет через месяц, а на сегодняшний день я готова ответить перед любым аудитором или правоохранителем. – Что-то случилось?

– Да не то чтобы случилось...

Значит, случилось.

– ...просто кое-кому в полиции наш успех покоя не дает. Вчера мне звонил опер из отдела по борьбе с экономическими преступлениями, просил привезти документы на наш последний груз из Павловска. Помнишь, в июле мы четыре двигателя получили?

– На автобусы, что ли?

– Да, на них, – подтвердил Гена. – Представляешь, эти уроды из автопарка движки наши воткнули и в ГИБДД – два Дэ поехали. А там выяснилось, что движки в розыске за Павловским уголовным розыском. Обидно до слез. Мы, добросовестные покупатели, должны ехать и отчитываться за то, что нам не позволяет делать совесть.

– А зачем они в ГИБДД поехали? – удивилась я.

Горецкий выдохнул дым через ноздри и вмял окурок в подножие пальмы у стола. В этом кабинете уже полгода отсутствовала пепельница. По всей видимости, отполированный черепаший панцирь скоро на столе снова появится. Курильщики, они как алкоголики. Стоит после «завязки» на-

катить одну сигарету – все, понеслось...

– Лара, я тебя как автолюбитель автолюбителя спрашиваю. Ты машину имеешь?

Вопрос был риторический, потому как Горецкий сам выбирал мне авто. Тем не менее я призналась, что машина у меня есть.

– А на учет ты ее ставила?

Это тоже риторика. Гена прекрасно помнит, что это он ездил в ГИБДД и решал все вопросы.

– Понимаешь, прежде чем машине можно будет спокойно ездить по стране и чтобы ее не ставил на штрафстоянку каждый мент, попавшийся на дороге, ее нужно сначала поставить на учет. Потом пройти техосмотр и только после этого выезжать за ворота ГИБДД с чистой совестью. Вот поэтому эти долбаные автопаркисты воткнули наши новые движки в свои старые автобусы и поехали ставить машины на учет. Как того и требует закон.

– Тогда почему они долбаные?

– Потому что я продавал им двигатели для последующей продажи в Монголию, а не для установки на собственные автобусы!

– Какая же сволочь так подставила нашу фирму с ворованными движками?

Гена сидел молча, качал головой, потом вдруг уставился на меня и взорвался:

– Ты так смотришь, что я начинаю подозревать себя.

Молодец, Горецкий. Поэтому мы и получаем такую большую зарплату. Конечно, переправь ворованные двигатели в Монголию, все было бы в порядке. Что, местные арабы-гаишники на верблюдах с мигалками номера сверять будут? Может, и сверили бы, да не с чем. Но, даже если и найдется такой умник с бумажкой, крайними, конечно, будут те, кто им продавал. Гена – посредник в деле, взятки с него гладки. «А я не знал, что двигатели ворованные!» И все, как обычно. Горецкий временами так косит под дурака, что иногда даже я начинаю в это верить.

– Ну и что теперь, Гена?

– Теперь к нашим обэпникам приехал коллега из Павловска, коленвал ему в дышло, и просит документацию, на основании которой мы продавали двигатели второму автопарку. Я по телефону уже все объяснил им, сказал, что бухгалтер подъедет. Ты, Лара, возьми все бумажки по движкам и съезди к этим язвам, ладно?

– А почему не вместе?

– Потому что мне сейчас нужно срочно в банк ехать. Зарплату хотите получить?

– Я хочу, – призналась я. – Остальные – не знаю.

– Остальные тоже хотят, – вздохнул Горецкий. – А после банка мне нужно в мэрию, меня Бородин ждет. А после, если я не успею в таможню, то их опера раздолбят мне нашими перфораторами всю задницу. Груз пришел, поняла?! Три тысячи перфораторов – это полвагона коробок. Таможенни-

ки позвонили, попросили быстро приехать, чтобы груз проверить и отдать. У них склад временного хранения забит под крышу.

– Зачем ты мне все это объясняешь? – обозлилась я. – Мне это нужно?

– Нужно, – подтвердил Горецкий. – Потому что после того, как ты разберешься с ментами, мне понадобится твоя помощь в таможене. К четырем будь в отстойнике железнодорожного вокзала. Выгрузка, проверка и погрузка будут проходить там.

Надо подумать о том, чтобы предложить Горецкому совместить мою должность с администратором, кладовщиком и менеджером. С суммированием зарплаты, разумеется. От того, что Горецкий доверяет мне больше, чем всем перечисленным, мне не становится легче. Станет, если утроит зарплату. Жадность, она, конечно, никого до добра не доводила. Однако Горецкому совесть тоже надо иметь. У него люди сидят в кабинетах, а Лариса бегает по отстойникам и исполняет не свойственные ее должности функции!

– Ладно, буду я к пяти, буду...

– К четырем, Лора, к четырем, милая! Запиши, хорошая моя! Да, чуть не забыл. Если Бородин задержит, начинайте без меня. Доверенность у тебя есть.

Если бы не утренняя лень, то на этом месте следовало бы начать разговор о совмещении должностей. Но я лишь вздохнула.

Как и любой держатель среднего бизнеса, Горецкий имел «крышу». Пару раз в месяц приезжали прилично одетые грузины, я выдавала им из кассы некоторые суммы, они спрашивали: «Как дэла, красивый женщина?», я им отвечала: «Дэла карашо», и они уезжали. Иногда Горецкий был взволнован, что свидетельствовало о наезде со стороны. В такие минуты он был дерганый и психованный, как Машка перед месячными. Я своими глазами видела, как явились в первый раз четверо верзил и минут пять били Горецкого головой о стол. Он отдал им деньги, но потом позвонил, и приехали те самые грузины. Встреча происходила прямо в офисе. Говорили сначала спокойно, потом стали покрикивать, обращаясь друг к другу – «э!», через фразу слышалось: «Давай, до свиданья!», и, в конце концов, диалог трансформировался в драку. Кто-то крикнул: «Будем разбираться!» – и драка прекратилась. В тот раз у меня разболелась голова, и я попросила Горецкого отпустить на пару дней. На следующий день ко мне примчались Машка с начальницей отдела продаж Веркой и стали рассказывать, мешая друг другу и сбиваясь. В конце концов выяснилось, что Машки там не было, поэтому я попросила ее заткнуться. И дальше Верка поведала интересную историю.

Явились, значит, сначала те, кто наезжал. Расселись на стульях в офисе и забросили ноги на столы. Потом приехали грузины. И снова началось: «Давай, до свиданья!» и – «Говори тише, не буди во мне собаку!». И так разговаривали они,

пока к офису не причалил «Мерседес». Из-за руля выскочил качок килограммов под сто двадцать весом, а с пассажирского сиденья сошел среднего роста крепкий мужик («Красава – спасу нет!» – Верка). Эти двое вошли в офис. Все менеджеры – ни живы, ни мертвы – сидели на своих местах.

Опять поднялся шум, мужик слушал его, слушал, а потом размахнулся и врезал одному из братков с такой силой, что тот влетел спиной вперед в кабинет Горецкого. Разбил головой аквариум и выпустил на пол пятьсот литров воды вместе с японскими карпами кои. Дальше он дело постановил так: братки должны заплатить грузинам десять тысяч долларов, десять внести в общак и купить Горецкому аквариум и японских карпов кои в количестве, равном тому, что трепыхалось на полу. После этого сказал, чтобы тот, от кого братки приехали, прибыл вечером к какому-то Рамазу, извинился перед менеджментом за шум и воду, сел в «Мерседес» и уехал. Братки спросили грузин, кто это такой. Грузины ответили, что Математик. На том, собственно, все и закончилось. Больше братков никто не видел.

Во второй раз Горецкий наколдовал на свою голову разбор в мае этого года. Я – бухгалтер. Мое дело – деньги считать и укрывать реальную прибыль по требованию директора. А поэтому, когда Горецкий велел мне выручку от продажи пяти вагонов текстиля завести в тень и хранить о ней молчание, я так и сделала. Но в июне приехали грузины и спросили у Горецкого, где вагоны с текстилем. Оказывается, гру-

зины забрали у кого-то долг текстилем, а Горецкому сунули под реализацию. Но мой умный шеф, продав текстиль, доложил, что вагоны ушли, а куда – он не знает. Через два дня Горецкого били головой о стол уже грузины, и снова приехал тот мужик. Я вместе с Машкой находилась в командировке в Твери, а потому информацию снова получила из уст Верки.

Приехавший дядя по имени Математик зашел в кабинет Горецкого вместе с хозяином и закрыл дверь. И полчаса они оттуда не уходили. Потом гость сел в «Мерседес» и уехал, а Горецкого секретарша обнаружила в кабинете за бутылкой «армянского». Он сидел и плакал, уронив голову на грудь. И я потом собирала деньги с филиалов по всей России, чтобы вернуть грузинам долг, вдвое превышающий выручку за текстиль. Менеджеры тогда, помнится, премию не получали полгода. Но попробовал бы он мне не платить!

Были и другие проблемы, но уже с криминалом не связанные. Горецкий вертелся, ускользая от ментов, пожарных и налоговой. И получалось это у него, следует заметить, лучше, чем с авторитетами.

Глава 3

Варяскин, к которому я ехала, оказался премилым малым лет двадцати семи – двадцати восьми. В старину о нем можно было бы сказать так: в суконном сюртучке, вычищенных, но скромных штиблетах, с пробором посреди жидкой прически.

Облапав меня взглядом и прикинув, как бы я выглядела на спине, он предложил мне сесть. Едва я разместила на коленях папку с документами, он тут же куда-то позвонил и сообщил, что «человек из «Энергии» прибыл». Звонил, судя по раскрывшейся после этого двери, в соседний кабинет. Сначала в душное тесное помещение ворвался запах, который я ненавижу с детства. Так пахнут беляши, поджаренные в пятую очередь на одном и том же масле. Потом я увидела мужика лет сорока, в костюме такого же качества, как у Варяскина, но более темного оттенка. Я перевела взгляд на обувь и узнала туфли, которые Горецкий распространял по России в течение последних трех месяцев. Одно ООО из Вереснянска задолжало Гене четыреста сорок тысяч, но по причине отсутствия на своем счету средств расплатилось с ним китайской обувью. О том, что она не прошла сертификацию по своему экологическому состоянию, наш директор узнал лишь после того, как написал расписку о том, то претензий к должнику нет. О том, чтобы обратиться в суд, не было и ре-

чи, так как платить налоги Гена не привык, и конец той истории обещал бы камеру в местном СИЗО. «Барахольщики» отрещивались от этой обувной эпидемии, как от чумы, советовали заходить в склад в респираторах, в обувные магазины без сертификата не сунешься... Одним словом, издержки производства. Пораскинув мозгами, Горецкий решил взять с обуви максимум из вероятного минимума. Стал меценатом. Всего на два дня, пока все восемьсот пар обуви оформлялись как спонсорская помощь сотрудникам правоохранительных органов.

Поэтому туфли на этом, с жирными пальцами, я узнала сразу. Наши туфли. География распространения оказалась, к моему удивлению, довольно обширной. Судя по всему, обувь расходилась исключительно по «своим», и это дало мне возможность ощутить удовлетворение. По всему выходило, что честные менты, типа моего Мишки, спонсорской помощью оказались обойденными, и деньги на противогрибковые препараты сейчас не тратили.

Попросив у Варяскина «что-нибудь руки вытереть», толстяк получил чистый бланк протокола допроса. Это я успела прочитать, пока он не превратился в промокашку. Обычно руки после такой, с позволения сказать, пищи моют. Но, раз уж так получилось, неужели в кабинете не нашлось ни салфетки, ни полотенца? Стирание жира с рук протоколом выглядело для меня настолько дико, что я, уже поняв, как будут пахнуть руки после этой процедуры, отодвинула стул

подальше. Спроси его сейчас, моет ли он руки после туалета, он наверняка удивится и ответит, что, когда ходит в туалет, на руки не писает.

– Да вы не бойтесь, – успокоил он меня, заметив мою рокировку. – Все в порядке, нам только пару моментов выяснить.

И одарил такой хорьковой улыбкой, что я два тут же умножила на пять.

Запах действительно был еще тот. Стараясь заглушить его, я прямо в сумке незаметно пшикнула на платок туалетной водой и, уложив подбородок на руку с платком, приготовилась слушать.

В милиции я бывала трижды. Первый раз по молодости. Меня водил в свой отдел Миша, чтобы познакомить с местом службы. Ничего примечательного в отделе, кроме доски «Их разыскивает милиция», я не обнаружила. Потом он повел меня на свое рабочее место. Этим местом оказался стол в загаженной подсобке подъезда, именуемый «Общественным пунктом охраны порядка».

Во второй раз я там оказалась, когда меня ставили на учет как проститутку. В субботу вечером мне позвонил Горецкий и сказал, что приглашает в ресторан по случаю рождения сына. Я быстро накрасилась, надела платье для коктейлей, накинула шубу и вышла на проспект Ломоносова. Махнула первой же проезжающей «Газели», и она остановилась. Из нее вышли два придурка в форме, как у Мишки, взяли

меня за шиворот и засунули в заднее отделение, где уже находились с десяток девчат, похожих на меня. Тоже в шубах и тоже в коротких платьях. Подвезли меня не к «Огням столицы», а напрямиком в дежурную часть райотдела... Там долго выясняли, кто у меня «мамка», сколько я беру за минет, где находится «хата», и оставили в покое только тогда, когда я дала им номер мобильного телефона Горецкого. Гена приехал, забрал меня, а эти скоты порвали протокол, хотя прощения и не попросили. Уже выходя, я поинтересовалась у дежурного, сколько за минет берет он, и едва не испортила все окончательно.

В третий раз я оказалась в райотделе благодаря тому же Горецкому. Ровно через год. Как положено, отпраздновав день рождения сына, он до дома не дошел, присел отдохнуть на лавочку, а после того, как патруль его разбудил и ему же представился – «сержант такой-то», – он сделал серьезное лицо и разрешил:

– Докладывайте.

Единственный номер телефона, который он смог вспомнить, был не его домашний, а мой мобильный. Наверное, сказалась привычка. Когда Горецкий попадает в неприятности, он тут же вспоминает обо мне. Пришлось ехать, долго объяснять усатому майору с бляхой дежурного по отделу, что Горецкий – законопослушный, в принципе, человек. Просто иногда ему бывает очень трудно. Сто долларов Гена мне потом вернул в конверте вместе с тремястами за моральный

ущерб.

И вот я в милиции в четвертый раз.

– Ну, вы тут поговорите, а я вынужден вас покинуть, – сообщил Варяскин, накидывая легкую куртку.

– Мне будет вас не хватать, – честно призналась я, испытывая жуткий дискомфорт от понимания, что остаюсь наедине с этим пожирателем источника язвы.

Варяскин, конечно, понял меня неправильно и впился взглядом в мой живот. Нет, пусть лучше идет. Иначе потом придется терпеть прожигающие взгляды от двоих. Когда училась в школе, я ужасно переживала от того, что все дразнили меня Лягушкой за неприлично страшный вид. Спустя годы гадкий утенок превратился в довольно сносную птицу, и сейчас иногда приходится сожалеть о том, что те времена ушли.

Разговор, понятно, был о двигателях. Где приобретались, кто получал, как оформлялись документы и почему для разговора не приехал сам директор. Последнее меня немного удивило, так как Горецкий сказал мне, что разговаривал с кем-то из этих двоих по телефону. Сначала я подумала, что толстяк пропустил мое удивление мимо ушей, но после полчаса беседы вдруг сообщил, что он действительно разговаривал с Горецким и тот обещал, что приедет сам.

– Я не поняла, – попробовала уточнить я. – А мне тогда что тут делать?

– Ну как? – опять улыбнулся он... Все, больше этот осклаб

улыбкой называть не буду! – Горецкий Горецким, но подписи везде стоят ваши. На основании доверенности вы, Лариса Инваровна, подписывали все документы по оформлению сделки по покупке двигателей в Павловске. Разве нет?

– Так, – согласилась я. – Но вы же прекрасно понимаете, что я – лишь исполнитель. Директор попросил меня встретить представителей из Павловска и решить с ними вопросы, потому что сам он был в командировке в Екатеринбурге.

– Я все понимаю, – и я догадалась по тону, что понимает он не все. – Но в установленном законом порядке ответственность за это приобретение несете и вы.

Теперь я стала понимать еще лучше, почему мы получаем такую большую зарплату. Идет приплата за риск. И еще два часа толстяк объяснял мне, что двигатели украдены с завода, что это преступление, что кому-то за это придется отвечать и он тут для того, чтобы этого «кого-то» обнаружить и развернуть лицом к столу, за которым сидит судья. По ударениям, которые расставлял толстяк, я догадалась, что он обязательно добьется того, чтобы между судьей и этим «кем-то» непременно оказалась решетка.

– У меня складывается впечатление, что вы хотите развернуть именно меня, – озвучила я первую пришедшую в голову мысль.

– Ну, вы же умная женщина... – начал толстяк таким тоном, что непременно напрашивалось продолжение – «...поэтому вы и сядете». – И вы прекрасно понимаете, что заклю-

читать сделку по покупке краденых двигателей в Павловске из фирмы «Энергия» могли только двое. Это Геннадий Аркадьевич Горецкий, директор, и Лариса Инваровна Рапкунайте, главный бухгалтер. Лариса Инваровна сейчас сидит передо мной и намекает на то, что информация о том, что предмет сделки одновременно является и предметом кражи, для нее – новость.

– А я не намекаю. Я заявляю это открыто и во всеуслышание. – Немудрено, что я нервничала, поэтому платочек в моей ладошке стал то собираться в комочек, то расправляться.

Толстяк, хотя в это время и смотрел в окно, тут же, словно летучая мышь, уловил эти ультразвуки. Повернулся и посмотрел на меня взглядом, каким провожают подлодки в дальний поход.

– Знаете, я не хочу вас пугать, – сказал он. И его взгляд сменился на тот, когда провожающий видит, что подлодка, не успев отдать концы, стала тонуть. – У каждого преступления есть свои квалифицирующие признаки.

– В этом тоже я виновата?

– Нет, законодатель. Так вот, хищение чужого имущества в крупных размерах, организованной группой... Это от пяти до десяти с конфискацией имущества. А у вас только жизнь началась, и, как я понимаю, хорошая жизнь. Неужели возможно такое – взять и лишиться всего в одночасье?

– Да, у вас получилось не испугать, – забеспокоилась я. – Но мне в этих признаках непонятно главное. Не сильна в

юриспруденции, но, насколько понимаю, вы пытаетесь доказать мне, что я, входя в состав организованной преступной группы, проникла на завод в Павловске, откуда и вынесла четыре автобусных двигателя на общую сумму, превышающую крупный размер? Не советую вам больше есть местные беляши, господин... Кстати, а кто вы такой?

Я баба, и я делаю на это скидку. Поэтому иногда бываю невыносимо тупа, хоть и главбух. Спросить человека, кто он такой, после трех часов откровений – это у меня бывает, бывает... Не в бухгалтерской деятельности, конечно, бывает, а в жизни, но эта ошибка позволила мне понять простую вещь. Со мной сейчас разговаривают именно на тему моей служебной деятельности. Поэтому, мисс Рапкунайте, нужно сосредоточиться и больше не ошибаться!

Фамилия толстяка, как и должность, была подходящая – Ползунов. Рожденный ползать везде пролезет. Непреложная истина. И старший оперуполномоченный отдела по борьбе с экономическими преступлениями продолжал капать в кипящий разговор масло.

– Увольте! – возразил он, поняв, что напугать меня, как глупую бабу, не получается. Дав обратный ход, стал заползать с другой стороны. – Кто же вас обвиняет в краже в Павловске? Другое дело, что кто-то двигатели, как вы сказали, – выносил, а кто-то – продавал. И все знали, что делали. Вот я о чем говорю! Как еще можно простыми словами объяснить выражение «организованная группа»? А то, что это вы, да

на своей спине тащили двигатели, Лариса Инваровна... Мне даже в голову такое не могло прийти...

Я все поняла так отчетливо, что по моей натруженной спине куда-то вниз заторопился холодный уж. Что там делает в этих случаях Гена Горецкий?

– Я не знаю, что вам в голову приходило и что оттуда выходило, только уверена в одном. Горецкий сказал – оформи сделку. Я оформила. Кто и на чьей спине выносил этот предмет сделки, я тоже не знаю. Скажу больше. Я не хочу знать. Все.

Как-то раз мы ехали с Горецким на его «Паджеро» и встали на светофоре. Мое пассажирское сиденье было слева, слева же притормозил джип «Террано», и на меня уставился наглым взглядом какой-то круглоголовый юнец. Горецкий некоторое время выжидал, потом, когда понял, что мне это неприятно, склонился над моими коленями и рывкнул прямо в рожу братку:

– Че?!!

– Ниче, – ответил тот.

– Ну и все!

Тема была исчерпана, для продолжения разговора не было никаких оснований, и придурок отвернулся. Умеет Гена тему закрывать, умеет. А у меня, как ни старалась, получилось как-то длинно и замысловато. Настолько замысловато, что при желании за эти замысловатости можно зацепиться и разговор продолжить.

Ползунов заметил, что я посмотрела на часы, справился:
– Вы куда-то торопитесь?

Да, я уже опаздывала на вокзал к вагону с перфораторами, но старшему оперу из Павловска об этом знать не нужно.

– Даже если бы я никуда не торопилась, мне с вами больше не о чем разговаривать.

Толстяк вздохнул и почесал ладонь. Наверное, туфли он носил уже давно.

– А мне, Лариса Инваровна, есть о чем с вами поговорить. Я думаю так. Если вы честная женщина, а я в этом не сомневаюсь, значит, вы стали жертвой обстоятельств.

Сомневаюсь, что это просветление. Скорее, опять наткнувшись на стену, толстяк вернулся на исходную и стал рыть лаз с другой стороны. Найдя на столе чистый лист, он вынул из письменного прибора Варяскина перемотанную изолентой ручку и стал рисовать какие-то маневры. Наверное, искал удобный плацдарм для прыжка на мою голову.

– Значит, вы законопослушный человек. Работа – единственный источник вашего существования. Все блага вы приобретаете за труд, а не путем совершения противоречащих закону действий.

– Добавьте, что я скромна в быту, занимаюсь спортом, поставьте число и распишитесь. У меня такое впечатление, что этот документ мне скоро понадобится.

Ползунов поднял на меня странный взгляд.

– Так вот, думая, что исчерпал все синонимы определения

«честный человек», я ошибся. Забыл упомянуть еще об одном. Честный человек, будучи лоялен закону сам, не терпит противоправных посягательств на закон и со стороны других.

– Если можно, попроще, – попросила я, бросив еще один взгляд на часы. – Как вы умеете.

– Можно и проще, – согласился он, несказанно довольный тем, что я сама его подвела к этому. – Как я уже говорил, заключить сделку с людьми из Павловска из фирмы «Энергия» могли только двое. Вы и Горецкий. Человек, купивший двигатели, не мог не знать, что они крадены, потому что на документах отсутствовали данные о дате продажи их с завода. Иначе говоря, человек, купивший их с рук и не поинтересовавшийся тем, как они попали в руки посредника, поставил себя в сложное положение. Он не продаст эти двигатели и не поставит на учет автомобиль, в который этот двигатель будет установлен. Следующий покупатель, тот, что поумнее, обязательно эту тему затронет. Поскольку же это сделает любой добросовестный покупатель, значит, кто-то из упомянутых мною двоих людей из ЗАО «Энергия» хотел сбыть их туда, где никто интересоваться не станет. А где такое возможно? В Китае, к примеру, возможно. В Иране, в Ираке. Я еще не изучал Устав вашего ЗАО, но готов заключить пари, что одним из пунктов вашей деятельности является деятельность внешнеэкономическая.

Он помолчал, раскуривая папиросу, и опять уставился на

меня.

– У нас в Уставе нет такого пункта, – возразила я, понимая, что напрашиваюсь на новые разоблачения.

Выпустив дым, Ползунов согласно кивнул головой.

– Есть еще один вариант. Кто-то один из двух руководителей «Энергии» продает двигатели таким же умельцам, как и он, зная, что они точно переправят эти двигатели за границу. В такую страну, где интересоваться будут не номером двигателя, а его мощностью. Я согласен с тем, что вы – честный человек. А честный человек не приемлет того, когда рядом с ним нарушается закон. И законопослушный человек, опасющийся того, что могут заподозрить его, невинного, всеми способами постарается сделать так, чтобы его имя осталось чистым.

– Я что-то плохо вас понимаю, – я провела рукой с платком по лбу. У меня начала болеть голова.

Ползунов выставил перед собой два пальца.

– Два человека из «Энергии». Горецкий и Рапкунайте. Рапкунайте исключаем. Кто остается?

Я посмотрела на торчащий перед глазами указательный палец.

– Остался Горецкий, – подсказал старший оперуполномоченный из Павловска. – И ваш долг, Лариса Инваровна, как честного и невинного человека, помочь власти призвать преступника к ответу.

Слово «честный» уже столько раз прозвучало из уст это-

го обладателя спонсорских тубель, что меня стало тошнить каждый раз, когда оно упоминалось.

– Ведь если это не он, то это – вы, не так ли? – продолжал провоцировать мою мигрень толстяк.

Внезапно меня осенила догадка.

– Послушайте, Ползунов, вы приехали из Павловска, из города, где живут люди, продавшие «Энергии» двигатели. Раз вы здесь, там вам больше делать уже нечего. Все выяснили, всех допросили, теперь идете по цепочке. Это понятно. Непонятно другое. Зачем вам расточать передо мною свое обаяние, если у вас уже есть точная информация о том, с кем из людей в Москве люди из Павловска договаривались продать ворованные двигатели? Если они сказали – Рапкунайте, почему вы склоняете меня к даче показаний на Горецкого? Если показали на Геннадия Аркадьевича, то почему вы не задержите его и не проведете с ним эти... Как это у вас называется? Очные ставки, что ли?

Кажется, он не был готов к этому. Заставив себя два часа назад сосредоточиться, я умнела на глазах, а Ползунов за этим процессом не успевал. Похлопал ресницами, размял ладонями лицо, устало прокашлялся...

И тут я поняла. Он крадет время у этого процесса. Я задавала вопросы и встала. А теперь он, прихрамывая, опять меня догоняет.

– Так почему, господин Ползунов? – наклонясь над столом, поставила я ему подножку. Я знаю, сейчас аромат мо-

их духов овладеет его обонянием, он обмякнет и перестанет быть работоспособным. В эти мгновения мужики говорят нам, женщинам, то, что мы хотим слышать. – Вы так много мне рассказывали, а сейчас вдруг замолчали...

То ли нос у него был соплями забит, то ли беляшная вонь в радиусе метра от него была неистребима, только он посту- чал пальцами по столешнице... Вы никогда не слышали, как мужики стучат ногтями по столу? Знаете, одно дело мы, в раздумье, поцокаем. И совсем другое – этот звук, напоминающий звон подков коня Жукова на Параде Победы.

– Я долго распутывать этот клубок не собираюсь, – определил себе срок для поимки вора Ползунов. – И сразу ставлю вас в известность, что это не последний наш разговор. У меня сегодня нет оснований использовать ваше время по своему усмотрению. – Видя, что я встала, он добавил: – У меня к вам огромная просьба, Лариса Инваровна... Ее исполнение в ваших интересах. Вы не пересказывайте наш разговор Горецкому, ладно? Иначе мнение о вас придется изменить.

Мне, просидевшей в этом мерзком кабинете почти пять часов, очень хотелось сказать, что мне плевать, изменит он мнение или нет, только теперь я поумнела окончательно.

– Из меня плохой пересказчик. Я обязательно о чем-нибудь забываю, и потом это очень сильно на мне сказывается. Поэтому я и сейчас помолчу.

Ползунов подарил мне благодарный взгляд.

Глава 4

Мужики, они, как месячные. Их всегда ждешь, но они приходят всегда неожиданно либо не приходят вовсе. Сейчас тот исключительный случай, когда хочется, чтобы они не приходили бы никогда.

Я, жалкая женщина, застряла между Горецким, этим Ползуновым и обстоятельствами, которые могут создать только мужики. Дураку понятно, Гена знал, что двигатели краденые! А я просто никогда не старалась вникать в то, что меня не касается! Если Горецкий делает деньги, а не парится в тюрьме, значит, он занимается тем, за что в тюрьму не сажают! Если начну во все вникать, то очень скоро меня посетит невроз в тяжелой форме, сопряженный с поносом. Как можно работать у Горецкого, указывая ему на то, что можно делать, а что нельзя! И откуда я знаю, что можно, а что нет? Одни нефть вполне законно качают, всему миру известны, а у них в столах прокуратура не роется!

Если губернаторов в тюрьмы сажают, то как мне-то разобраться, что в этой стране делать можно, а что – нет?

Если менты ментов пачками в следственные изоляторы пакуют, то как можно мне, не сомневаясь, с этим Ползуновым откровенничать? Он из тех, которые которых, или среди тех, которых которые?

Горецкий, гад, говорит – оформляй сделку и проводи по

бухгалтерии – я оформляю и провожу. Я виновата в том, что он одной мне доверяет?!

У меня истерика. Я еду в отстойник на вокзале, а мне очень хочется приехать домой и от души пореветь. Как положено. Соплюшек попускать, повыть, вина выпить, пострадать, обнимая подушку: «Зачем со мной так?!».

Черта с два. Мне нужно успеть за оставшиеся десять минут доехать до вокзала и оформить выгрузку этих бл... Этих перфораторов. Ну, Горецкий, приедешь, я тебе покажу и визит в банк, и раут в мэрии... Я специально не стала звонить ему на мобильный, чтобы попусту не засорять ядом эфир. Все, до последней капли – Горецкому. В лицо. Порву, мерзавца...

Интересно, перфораторы круглые или квадратные? Большие или маленькие? Я к тому, что, пока разгружать их будут, вся злость перегорит. Гена обещал подъехать, но последние события говорят о том, что он не «подъедет». А завтра как ни в чем не бывало скажет: «Ларочка, привет!»

Черта с три. Не появится в этом отстойнике – приеду к нему домой. Поделюсь всем, что накопилось.

Перед тем как поехать на вокзал, заскочила домой переодеться. А еще выпить чаю и просто посидеть в кресле. Я люблю свое маленькое гнездышко. Оно позволяет мне чувствовать себя защищенной и свободной. На площадке снова столкнулась с соседом. Кажется, это начинает входить в привычку. Но если трезво поразмыслить – где нам еще встре-

чаться? Он посмотрел на меня без улыбки, кивнул и переложил пакет из гастронома из руки в руку – искал ключи в карманах.

Я рылась в сумочке. В конце концов он первым из нас обнаружил, что ключей нет.

– Вы не могли бы присмотреть за этим, пока я схожу в машину? Не хочется таскать пакет туда-сюда, а без ключей в квартиру не попасть.

– Логично, – сказала я. – Конечно, присмотрю.

Мои ключи оказались не в сумочке, а в кармане. Со мной такое иногда случается. Он дождался, пока я открою дверь, и занес свой провиант. И тут же, еще раз извинившись, вышел.

Пока стучали подошвы его туфель по ступеням, я подумала о том, что извиняющийся мужчина входит в число типов мужчин, которые рано или поздно оказываются или проходимцами, или безвольными тряпками. С одной стороны галантность приятна, но у меня уже были примеры в жизни, когда эта галантность потом раскрывала людей или жадных, или трусливых.

Разумеется, я не удержалась от любопытства.

В пакете находились: два пакета молока, упаковка творога, вязанки зелени и килограмма два вырезки. Ни презервативов, ни пива, ни коньяка. У моего соседа, одним ударом поставившего Тарзана на колени, оказался набор для классической старушки.

Дверь я запирать не стала, но он все равно позвонил. Ве-

роятно, не хотел переходить ту границу, за которой между соседями начинается сближение большее, чем просто «здравствуйте – добрый вечер».

– Послушайте, – спросила я, когда он уже повернулся, чтобы выйти из квартиры, – а почему вы до сих пор не женаты? Я понимаю – не мое дело, но интересно. Женское любопытство. Должна же я знать, что ожидать от соседа.

Я сказала это и поняла, что вышло не очень приятно для слуха. Выглядело как: «Покажите сиськи, у нас так принято». Но он остановился и повернулся:

– Не знаю, как другие, а я в женихах в свое время засиделся. Мысль о браке мне пришла в голову еще в первом классе. Женщина к тому времени у меня уже была. Настя из соседнего подъезда полностью соответствовала моим представлениям о спутнице жизни: умела аккуратно разрисовывать раскраски, не абы как, и мать ее пекла вкусные кексы. И, потом, она была красива. Не помню, но уверен, что красива...

Я невольно улыбнулась, а он, не замечая этого, продолжал:

– Материальные проблемы меня не тревожили. Я знал, что буду работать Зорро, а Настя укрепила меня в уверенности о нашем финансовом благополучии заверением, что будет, как и мать ее, официанткой. Единственное, что беспокоило, это квартирный вопрос. Они там жили вчетвером в однокомнатной, а мои родители мне порядком надоели. Но

Настя успокоила меня наличием у ее предков дачи. Сказала, что мы с ней первое время, пока мне не дадут квартиру, могли бы пожить на этой даче. Это ваше женское предчувствие – она считала, что квартиру должны дать именно мне, так как я был отличником.

– Вы были в школе отличником?

– Да. Так вот, немного подумав, я сказал, что на даче как раз могли бы пожить то время, пока мне не дадут квартиру, ее домашние. Это предложение было встречено с заметным удовольствием. Я уже ощущал прожигающую меня любовь и не собирался медлить. А потому прямо с лавочки отправил почти жену к почти теще улаживать организационные вопросы. Добавив вослед, что машину их вместе с гаражом, если что, мы тоже забираем. Кровь стучала в висках моих палочками Ринго Старра. Гремя сандалиями, май бэлл забежала в подъезд, и больше я ее в тот день уже не видел. А на следующее утро в школе она, не вдаваясь в подробности и садясь за парту нашу как-то боком, сообщила, что любовь ее ко мне еще горит. И сегодня она горит, пожалуй, даже сильнее, чем вчера. Но между нами, тем не менее, все кончено.

– И поэтому вы до сих пор не женаты.

– Дело совсем не в этом. Просто это был первый нож, вставленный мне меж лопаток рукой женщины. Сколько потом было таких рук, и чего они только не вонзали в мое рыдающее сердце – и вилы навозные, и колья осиновые, – но этот первый пример женского непостоянства волнует меня

до сих пор. Спасибо, что уложили продукты в пакете правильно – сначала тяжелые, а уже на них – легкие. Я никак не могу научиться это делать.

Мне стало стыдно. А ведь он даже не заглянул в пакет.

– Должен же за вами кто-то ухаживать? – вырвалось у меня.

– Я уже поблагодарил, – и он открыл дверь.

– Можно еще вопрос?

Он закрыл дверь, хотя мог и не закрывать.

– Чем вы зарабатываете на жизнь? Что бизнесмен, это я уже поняла. А в какой области?

Сосед пожал плечами.

– Я конфликтолог.

– В смысле?

– В прямом. Когда люди оказываются втянутыми в неприятные истории, я им помогаю. За отдельную плату, разумеется. У вас все?

– А вот эти крутые ребята, приезжающие круглосуточно к нашему дому на автомобилях стоимостью в бюджет нашего ТСЖ, – это ваши клиенты?

– Я вижу, вас не проведешь?

– Ну, это же на глазах у всех происходит...

– Да, это мои гости. Но не все крутые.

– Понятно.

И он вышел.

Черт бы его побрал. Он мне нравился, а я не могла понять,

почему. Такие мужики меня раздражают страшно. Зануды, болтуны и мямли. Драться, правда, умеет. Но если бы это было то, ради чего женщине стоило жить, я ночевала бы в боксерских клубах.

Перфораторы, блин, это те же дрели. Я даже разочаровалась. Название обещает, а внешний вид разочаровывает. Грузчик под присмотром таможенника вагон распахивает, я смотрю внутрь и возмущаюсь:

– А перфораторы где?!

Грузчик смотрит на меня, как на человека, ослепленного сваркой, и показывает на ряд коробок до самой крыши:

– А это что?

Я присматриваюсь к рисунку на ближней ко мне коробке:

– Это дрели!

Грузчик крутит пальцем у виска и отходит в сторону, уступая место таможеннику с четырьмя звездами на каждом погоне.

– Вы хозяйка?

День сурка. Мужики с дрелями задают мне этот вопрос уже второй день подряд.

– Хозяйка чего?! – В голове стоит Горецкий, поэтому нетрудно представить, как я разговариваю.

– Этого груза.

– А что это?!

– Вы не узнаете груз, который оплатили? – сохраняя муж-

скую тактичность, помогает мне таможенник.

Лично я ничего не оплачивала. Вообще, если бы у меня была сейчас граната, я бы подорвала себя вместе с таможенником и грузчиком. Чем больше коробок при этом пострадает, тем лучше. Но ведь за это я и получаю такую большую зарплату. За потерю нервов и унижение. Рядом два мужика, поодаль еще двое в штатском, и все четверо смотрят на идиотку, которая что-то купила, затратила кучу денег и энергии при переправке этого чего-то через границу, а получив, спрашивает у окружающих – а что это?

– Да, это перфораторы, – скрипнув зубами, говорю я. – Из Прибалтики, наверное. Из Риги, да?

Получилось наоборот. Сомнения в моей дееспособности у окружающих только усилились.

– Да, из Латвии, – молвит таможенник, и начинается то, что я ненавижу больше всего.

Пересчет, проверка, перепроверка и сверка документов. Я не люблю бумаги, и эту нелюбовь усиливает понимание того, как их любят другие. Сразу чувствуешь отчужденность характеров. Значит, возникает и трудность в общении. Когда я училась на бухгалтера, мне казалось, что, едва дойдет до настоящего дела, любовь вспыхнет, как с первого взгляда. Еще была надежда на то, что стерпится – слюбится. Стерпелось, но не слюбилось. Эти финансовые отчеты и постоянный шорох бумаг с каждым годом лишь усиливают отвращение. Возможно, я давно переквалифицировалась бы на мене-

джера или еще кого-нибудь, у кого в должностных обязанностях минимум пунктов, связанных с перелистыванием страниц. Однако платили мне за это шуршание столько, что хватало не только для лекарства от аллергии.

В одном Горецкий не соврал. Фура уже стояла рядом с вагоном, и водитель, дочитав все газеты, имеющиеся в кабине, уже трижды интересовался, когда закончится погрузка.

А закончилась она лишь в половине девятого вечера. Подлец директор так и не появился. Больше всего меня раздражало то, что за все это время он ни разу не позвонил и не позаботился, как у меня на вокзале идут дела. Причина, по которой ему не звонила я, была понятна, а вот почему он так запамятовал, оставалось тайной. Наконец, подошел момент, когда я заволновалась уже по-нашему, по-женски. А если он попал в аварию? Он на своем «Паджеро» ездит, как сам любил говаривать, не по правилам, а по дорогам, и я уже дважды была свидетелем того, как этот джип на скорости девяносто километров в час поворачивает под углом в девяносто градусов. Гена любитель агрессивной езды, и чем дальше он ездит, тем больше езда агрессивная смахивает на экстремальную.

Заметив, что в вагоне осталось не более сотни коробок, я после долгих колебаний, набрала номер его домашнего телефона. Трубку взяли сразу, однако это был не Горецкий, а его жена, Таня. Она-то и сообщила мне, многострадальной, что мужа дома нет, и где он, одному богу известно. Я отклю-

чила телефон и покусала губу. Наверное, Горецкий никак не может выбраться от Бородина. Он с председателем Комитета мэрии по благоустройству города на короткой ноге, поэтому не исключена версия, что они засиделись, перепились и поехали догоняться. Все зависит от Бородина. Если тот скажет Горецкому – «поехали в баню», то Горецкому в баню ехать придется. Без подписи Бородина ничего в городе не делается, и через него можно решить вопросы, связанные не только с деятельностью его Комитета по благоустройству.

Но менее обидно от этого не становилось. Неужели нельзя дождаться, пока Бородин пойдет в туалет – ходит же он в туалет когда-то?! – и быстро набрать номер моего сотового! Наверное, нельзя. И с удивлением заметила, что злоба начинает угасать, и я испытываю от этого не разочарование, а удовлетворение.

– Все, – заключил таможенник, перелистывая лист в толстой папке. – Вы согласны?

– Да, ровно три тысячи, – согласилась я, захлопывая свою папку. Мысли мыслями, а работу нужно делать.

Водитель сунул в рот пластик жвачки, бросил фантик на асфальт, ветер тут же занес бумажку под перрон.

Решив следовать за «Вольво»-дальнономером, я уселась в свой «Рено» и тут же почувствовала, насколько устала. Ворота распахнулись, труба грузовика пустила в небо тугую струю дыма от сгоревшей солярки, и мы тронулись. Слава богу...

Подождав, пока фура выровняется на дороге и наберет обороты, я вывела свой седан на улицу и тут же была вынуждена затормозить. Прямо перед моим бампером возникла жуткая рожа с натянутой на нее маской, и я увидела автомат. Не прошло и секунды, как справа и слева возникло еще по одному ниндзя. Я устала настолько, что не было сил пугаться. Задние фонари еврофуры уже излучали красный свет, и я поняла, что остановлена не только я.

Потом были какие-то дикие команды, следуя которым я должна была лечь на асфальт и заложить руки за спину. Среди возгласов прозвучало требование не шевелиться и даже бросить оружие. Если это не бред, спровоцированный нервным расстройством, то, скорее всего, спецоперация. Только не пойму, при чем здесь я...

Меня выволокли на улицу, и я увидела Ползунова. Он стоял, курил свой совковый «Беломор» и не выражал никаких эмоций, словно мы и не расставались.

– Я говорил вам, Лариса Инваровна, что мы снова увидимся?

Ранее я думала, что со мной подобного никогда произойти не может. Уж слишком разнятся мои интересы с тем, что я видела на экране во время демонстрации криминальных хроник. Кого-то там задерживают, что-то ему доказывают, и уже потом его, смиренного и убогого, снимают камерой на скамье подсудимых в зале суда. Судья строг, но справедлив, конвой, наручники...

Я всякий раз вздыхала, видя такие кадры, благодарила Господа за то, что так далека от всего этого, и отправлялась спать, позабыв об увиденном тотчас, едва вставала из кресла.

И сейчас все происходит, словно во сне. У еврофуры настежь распахнуты двери, водитель уже в наручниках, в одной из появившихся сразу после задержания двух машин без опознавательных знаков на бортах и крыше. Мне эти знаки не нужны, я и без мигалок знаю, что это милиция.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.